

Накануне юбилея Ольги Антоновой ее муж, известный художник Игорь Иванов, преподнес актрисе (а заодно и нам) замечательный подарок – устроил выставку своих живописных работ в Музее А.С.Пушкина, на Мойке, 12. Неординарность этого подарка оценил лишь тот, кто знает Иванова как театрального художника. Потому что в живописи он предстал совершенно иным – автором рафинированных “фламандских” натюрмортов и солнечных петербургских пейзажей. Оторваться от театра, в котором работал четверть века, и отдаться станковой живописи художнику помогла жена, поддерживавшая его решение закончить сценографическую карьеру и засесть в мастерской. Признательность художника запечатлена на одном из полотен – посреди осеннего золота парка маленькая фигурка женщины. Силуэт, осанка, шляпка, длиннополое пальто. Их обладательницу не узнать невозможно.

Трудно, следуя за Игорем Ивановым, писать “портрет жены художника”, тем более, что Ольга Антонова – самостоятельная художественная единица. Наверное, в начале ее творческого пути у многих было искушение отнести к дебютантке как к “дочери писателя” (тем па-

Портрет жены художника

че, что Ольга даже сыграла какой-то крошечный эпизодик в спектакле “Разорванный рубль” по прозе Сергея Антонова), но молодая актриса уже тогда не желала плавать под чужими парусами.

Ей не нужно было вырабатывать “лица необщее выражение”, она с первых шагов на сцене была похожа только на саму себя. Хотя сегодня, когда пересматриваешь старые фотографии – Селимена в “Мизантропе”, Елена в “Троянской войны не будет”, Змеюкина в “Свадьба Юбилей” – вдруг обнаруживаешь сходство с западными звездами. То она на Мэрил Стрип похожа, то на Патрисию Касас, которых тогда еще в помине не было. Недаром в 60-70-е наше кино Антоновой не заинтересовалось. Слишком уж нетипичная физиономия. Фильмы, конечно, были, но кинозвездой первой величины (и лауреатом приза фестиваля “Созвездие” за лучшую женскую роль) Ольга Антонова стала лишь в конце 80-х, когда на широкий всероссийский экран вышел фильм Киры Муратовой “Астенический синдром”. Это был тип нашей соотечественницы и современницы, усталой, издерганной, но утонченной, интеллигентной. Столь аристократичной, что даже русский мат в ее устах звучит музыкой Шнитке.

Помнится, Марию Бабанову упрекали в том, что она слишком европейская женщина, что не к лицу ей платочки, что не может она играть Катерину, разве что – Катариону. Ольга Антонова иногда повязывала платочек, в “Лесе” Островского даже приживалку Улиту играла. Но вообще-то “она в семье своей родной казалась девочкой чужой”. Даже в западном Петербурге Ольга выделялась нездешними манерами и интонациями. Первым разглядел и оценил ее женскую привлекательность Петр Фоменко. Он ставил тогда в Театре комедии пьесу Арбузова “В этом милом старом доме” и выбрал на роль Нины Бегак Ольгу Антонову. Героиня – зубной врач, куда уж прозаичнее?! – была смешным очкариком, угловатым гадким утенком, в котором на наших глазах пробуждалась пленительная женственность. Голос, обычно чуть хриловатый, словно старинный фарфор, испещренный мелкой сетью трещинок, вдруг обретал музыкальность и полетность. Она нараспев произноси-

ла: “Бе-гак”, – и два слога взлетали ввысь, придавая обладательнице этой фамилии явную неординарность.

Тогда, в начале 70-х, мы не особенно жаловали сочинения Арбузова. Их язык казался искусственным, герои – придуманными. Сегодня, когда Ольга Антонова обратилась к “Старомодной комедии” (играет ее вместе с новым своим партнером Петром Вельяминовым), изменился угол зрения на пьесу. Оказалось, что она, подобно “Милому лжецу” или “Смеху лангусты” – вне времени. История двух одиноких людей, в которой характеры и развитие взаимоотношений гораздо важнее конкретных советских реалий. Экцентричность, взбалмошность – это те свойства человеческой природы, которые актрисе особенно удаются. Она никогда не играла чеховскую Шарлотту (вообще, кажется, сценическая ее жизнь как-то обошла Чехова стороной), но могла бы с блеском ее сыграть. Клоунские замашки то и дело прорываются в ее героинях – не только в Лидии Васильевне Жербер, но и в Мэрион (“Мужчины в ее жизни” С.Бермана). Если вспомнить ее ранние трагедийные работы – Фалилея в “Селе Степанчикове”, Маленького Болвалчика в “Мы бомбили Нью-Хэйвен”, – то становится ясно, насколько тесны актрисе обыкновенные роли. Ее всегда притягивали крайности. Помнится, из Ольги пытались сделать Принцессу (хороша собой, воздушна, капризна), но ей это амплу было безумно скучно. Гораздо привлекательней сильные природы. Недаром пару лет назад сыграла Филумену Мартурано, а до того – героиню комедии “Любовь до гроба” (на сцене Театра Ленсовета). Итальянский темперамент в соединении с налетом всезнания и душевной усталости во взгляде – это ее конек.

Театр комедии – ее единственный театр. Как пришла сюда после института, еще при Н.П.Акимове, так и служит ему бесценно. Кажется, что последние лет 20 Ольга не меняется, может быть, оттого, что рано поседела, и волосы словно пудренный парик, подчеркивают гладкость кожи. Но верность одному театру – не высшая доблесть. Главное – себя не потерять. Оттого время от времени, затосковав без ролей, актриса ищет чего-то на стороне, делает самостоятельные работы (как в случае со “Старомодной комедией”, которая на родную для актрисы сцену попала лишь в день бенефиса). Самое счастливое время для Антоновой было при Петре Фоменко. Впрочем, время было благодатным и для театра в целом, который с некоторым опозданием осознал, что работать с таким режиссером – счастье. Тот короткий период совпал и с молодостью Ольги и ее любимых партнеров, однако актриса относится к тому типу людей, у которых творческий голод с возрастом усиливается. Играть пять-шесть спектаклей в месяц, и ничего нового не репетировать – это не по ней. Потому, видимо, и согласилась пойти преподавать. Там, где 35 лет назад училась у лучшего в Петербурге актерского педагога Бориса Зона, теперь сама занимается со студентами. При этом, продолжая рефлексировать: “Ну, чему я могу научить? Да и разве можно научить актерской профессии?” А в Театре комедии, после долгих и невеселых сезонов режиссерской чересполосицы, новый художественный руководитель – Татьяна Казакова... Может быть, на сей раз повезет и режиссеру, и актрисе? Может быть, встреча двух сильных женщин даст тот результат, к которому стремятся – пока порознь – обе? Не случайно ведь в кабинете художника висят портреты не только Н.П.Акимова, но и Анатолия Эфроса, и Петра Фоменко.

Елена АЛЕКСЕЕВА

Экран и сцена - 1998. - габр. (~5.) -